

ИСТОРИЯ

УДК 94(470)“17” + 929.7 + 355.332(571.1/5)

А. В. Дмитриев

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ПОЛЕВЫХ ПОЛКОВ СИБИРСКОГО КОРПУСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1760-х гг.

В статье проанализирован по ряду параметров командный состав полевых полков Сибирского корпуса второй половины 1760-х гг. с целью определить особенности имперской государственной политики в сфере комплектования вооруженных сил страны. На основе изучения архивных материалов выяснено, что при численном преобладании среди офицеров лиц, происходивших из дворян, многие из них принадлежали к мелкопоместному дворянству, что в значительной степени стирало дистанцию между ними и их подчиненными, выходцами из тяглых сословий. Комплектование полков Сибирского корпуса людьми, обладавшими служебным стажем и боевым опытом, объясняется существованием реальной угрозы военного столкновения с Китаем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Российская империя; XVIII век; вооруженные силы; офицерский корпус; дворянство; Сибирь.

Период царствования императрицы Екатерины II (1762–1796) традиционно характеризуется как время наивысшего могущества Российской империи и всегда привлекает внимание исследователей. Однако вплоть до настоящего времени изучены далеко не все аспекты сибирской истории второй половины XVIII столетия. К ним, в частности, относится и проблема кадрового состава подразделений русской регулярной армии, находившихся в структуре Сибирского корпуса с середины 1760-х гг. Данный сюжет привлек наше внимание по ряду причин.

Во-первых, сведения о кадровом составе русской армии имперского периода дают возможность не только проследить биографии отдельных лиц, занимавших командные должности в тех или иных воинских частях, но также позволяют судить о том, насколько сохраняла в этот период военная служба свою значимость в качестве важнейшего канала вертикальной социальной мобильности в империи. Обобщающие работы современных исследователей, к сожалению, почти не содержат конкретных данных по подразделениям, дислоцированным в различных регионах страны [Волков; Охлябинин; Волкова]. Публикации же, посвященные динамике кадрового состава русской армии, либо относятся к более раннему

периоду первой половины XVIII в. [Калашников; Черников], либо охватывают армейский генералитет, но не офицерство [Феофанов].

Похожая ситуация наблюдается и в зарубежной историографии. Исследований, посвященных военной истории России, а также истории русской армии, в том числе по интересующему нас периоду, немало [см., напр.: Keep; Fuller; Davies], однако в работах подобного плана, как правило, мы не находим обобщающих выводов относительно сословного происхождения и карьеры военнослужащих, которые базировались бы на конкретных данных. Исключением являются публикации Э. Виртшафтер, изучавшей по схожим с интересующими нас параметрам рядовой состав русской армии в послепетровскую эпоху [Wirtschafter, 1990; 1995].

Во-вторых, указанная проблема до сих пор рассматривалась на сибирских материалах, как правило, применительно к контингенту чиновничества, находившегося на гражданской службе, хотя ряд лиц в аппарате местного управления носили также и военные чины [см.: Быконя; Акишин; Ананьев]. Командный и офицерский состав же Сибирского корпуса фактически остается неизученным, поскольку даже в исследованиях С. В. Андрейчука, посвященных истории корпуса на протяжении второй половины XVIII — начала XIX в., соответствующие сведения немногочисленны [Андрейчук, 2010; 2011а; 2011б].

Исходя из этого, мы поставили своей задачей продемонстрировать, какие возможности для решения указанной проблемы предоставляет изучение списков личного состава армейских подразделений за вторую половину XVIII в., сосредоточенных в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, ф. 490 «Коллекции офицерских сказок»). Для этого нами были использованы данные о штаб-офицерах (полковниках, подполковниках, премьер- и секунд-майорах), а также носителях высшего обер-офицерского чина (капитанах и ротмистрах), содержащиеся в списках 11 полевых полков Сибирского корпуса за январскую треть 1767 г. [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 131–596 об.]¹. Среди интересующих нас параметров: сословное происхождение и социальный статус, возраст и стаж службы, боевой опыт, дисциплинарные показатели всех этих людей. Соответствующие данные как раз и содержатся в изученных нами списках личного состава, представлявшихся командующими дивизий и корпусов в Военную коллегию с начала 1760-х гг. по прошествии каждой трети года (т. е. через каждые четыре месяца) [см.: Татарников].

Всего нами были изучены данные относительно 107 человек, на момент составления указанных списков находившихся на действительной службе, из них 37 человек — штаб-офицеры, а еще 70 человек — в чинах капитанов и ротмистров. Капитанское звание также имели корпусной обер-аудитор и адъютант командующего корпусом, на этом основании включенные нами в общий перечень. Таким образом, эти люди представляли весь командный состав сибирских полевых

---

¹ Список Якутского карабинерного полка датируется не январской, а майской третью 1767 г. Именные списки младших обер-офицеров (поручиков и прапорщиков) за названный год, к сожалению, не сохранились. Соответствующие данные в ф. 490 встречаются только с 1769 г., когда состав воинских частей в структуре корпуса уже претерпел некоторые изменения: в частности, из Сибири были выведены Томский и Селенгинский пехотные полки.

частей: полковые командиры, офицеры полковых штабов и ротные командиры. Любопытно отметить, однако, что лица дворянского происхождения среди них не составляли абсолютного большинства, а данные относительно сословного происхождения этих офицеров дают интересную и достаточно пеструю картину. Представителей российского «благородного шляхетства» насчитывалось 47 человек (почти 44 %), хотя к ним можно также добавить четверых «обер-офицерских детей»² (здесь и далее все подсчеты сделаны нами по: [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83]). Второй по численности группой оказываются лица нерусского происхождения — остзейские немцы и выходцы из европейских стран, таковых насчитывалось 35 человек (чуть менее трети). Вместе с тем, еще 21 человек (почти 20 %) оказались выходцами из «неблагородных» сословий, сумевшими, впрочем, выслужить себе штаб- и обер-офицерские чины.

Особенно замечательной выглядит карьера подполковника Селенгинского пехотного полка К. Пекурина. Родившись в 1726 г. в семье рядового солдата, он достиг своего чина уже в 1764 г., в возрасте 38 лет! С 1742 г. поступив для обучения в Инженерный корпус, он быстро получил чин кондуктора (инженерный специалист унтер-офицерского ранга), в 1751 г. перевелся во 2-й гренадерский ландмилицейский полк на Украине уже с чином поручика, с началом Семилетней войны в 1756 г. поступил капитаном в 5-й мушкетерский полк Обсервационного корпуса, в 1758 г. вышел в отставку с чином коллежского асессора (равным майорскому), но уже в 1762 г. вернулся к военному поприщу, получив назначение в формируемый Якутский конный ландмилицейский полк в чине премьер-майора, а затем, в конце концов, был причислен к Селенгинскому полку с производством в подполковники [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 207 об., 208]. Столь быстрым возвышением он, вероятно, не в последнюю очередь был обязан полученному им специально военному образованию: в его формулярном списке специально подчеркивалось, что он, помимо умения читать и писать, «инженерной науки и часть фортификации знает», а после временного выхода в отставку определился «в Новгородскую губернию к межевым делам». Как видим, инженерное образование открывало целый ряд возможностей для достижения успеха в жизни выходцам из непривилегированных сословий.

Другим способом быстро продвинуться по служебной лестнице оказывались, несомненно, участие в военных кампаниях и полученные в ходе них отличия и награды. Премьер-майор Сибирского драгунского полка Н. Копотов и его сослуживец в том же чине из Олонецкого полка В. Арбеков (оба — сыновья солдат) успешно зарекомендовали себя в главных сражениях Семилетней войны 1756–1762 гг. Первый участвовал в сражениях при Цорндорфе 1758 г. и Кунерсдорфе 1759 г., состоя дежур-майором³ при командире дивизии, «употребляем был

² «Обер-офицерскими детьми» назывались сыновья гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины «обер-офицерских» классов — от XIV до XI по Табели о рангах, дававшие не потомственное, а только личное дворянство, и сыновья офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего потомственное дворянство [см.: Волков, с. 55].

³ Дежур-майор — в русской армии XVIII в. штаб-офицер при командующем, назначающий дежурства и караулы.

в самый жестокий огонь с повелениями» [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 166 об., 167]. Начав кампанию поручиком в 1757 г., он уже в 1760 г. сделался секунд-майором, когда ему исполнился только 31 год. Второй был ранен пулей в бок под Цорндорфом, а в 1761 г. во время осады Кольберга при взятии неприятельской батареи получил пулю в левую руку [Там же, л. 169 об., 170]. Отправившись на войну подпоручиком, он через шесть лет (в 1763 г.) также успел дослужиться до секунд-майора, правда, уже в возрасте 43 лет. Целый ряд аналогичных примеров, свидетельствующих о стремительном возвышении отличившихся на поле брани офицеров, будет приведен нами ниже.

Среди капитанов и ротмистров мы также находим более полутора десятков лиц «неблагородного» происхождения: кроме солдатских детей, здесь встречаются сыновья крестьян и посадских, купцов и подьячих, церковнослужителей, армейских унтер-офицеров. Даже должность обер-аудитора Сибирского корпуса (т. е. ответственного за производство следствия и ведение переписки командующего по судебным и дисциплинарным делам) капитанского ранга занимал выходец из солдатских детей И. Волынкин, уроженец Тобольска, начавший службу рядовым в Новоучрежденном полку 30 годами ранее [Там же, оп. 1, д. 281, л. 30 об., 31, 95 об., 96; оп. 3, д. 83, л. 196 об., 197]. Некоторые из них достигали высшего обер-офицерского чина в самом молодом возрасте, хотя также начинали простыми солдатами. Так, в Томском пехотном полку А. Серебряков (из крестьянских детей) сделался капитаном в 27 лет, а В. Паклин из Олонецкого драгунского полка (сын унтер-офицера) получил этот чин в 28 лет [Там же, оп. 3, д. 83, л. 138 об., 139, 187 об., 188]. Карьере обоих также сильно способствовала Семилетняя война.

Переходя далее к характеристике офицеров-дворян, прежде всего, отметим, что после издания Манифеста о вольности Петра III (1762), казалось бы, представители дворянского сословия должны были в массовом порядке покидать государственную службу. Однако, как свидетельствуют изученные нами данные, ничего подобного не произошло. Более того, в чинах от капитана и выше доля дворян среди армейских офицеров приближалась к половине. Чем можно объяснить эту тенденцию? Некоторые из современных исследователей либо усматривают в качестве главной причины специфику политического сознания русского дворянства XVIII в., диктовавшего необходимость неразрывной связи с государственной службой [см., напр.: Марасинова, 2007а; 2007б], либо даже просто констатируют, что после 1762 г. «многие дворяне, освободившись от обязательной службы, обратились к ведению хозяйства в своих имениях» [Медушевский, с. 806]. На наш взгляд, картина гораздо прозаичнее — более половины русских дворян середины и второй половины XVIII столетия просто не могли позволить себе жить на доходы от своих мелких и мельчайших имений, поэтому вынуждены были оставаться на службе. Совершенно справедливо замечание Д. Ливена относительно образа русского провинциального дворянина, «как правило, владевшего... не слишком плодородными и богатыми землями, которые к тому же приходилось делить между детьми и наследниками». Именно это заставляло большинство дворян стремиться на государственную службу, ведь

провинциальный дворянин также «мог рассчитывать на выгодную и престижную карьеру на царской военной или гражданской службе» [Ливен, с. 396–397].

Сведения об имущественном положении офицеров-дворян в полках Сибирского корпуса полностью подтверждают приведенное выше замечание. Из 44 человек, числивших за собой какое-то число крепостных душ (у троих собственных крестьян не было вовсе), 23 человека (т. е. более половины) показывали себя владельцами 20 и менее крепостных мужского пола (далее — м. п.)! Еще 20 человек оказались владельцами от 21 до 100 душ, хотя подавляющее большинство среди них составляли помещики, у которых число крепостных не превышало 50. И только четверо принадлежали к средним или богатым земле- и душевладельцам, правда, у троих из них имения были записаны за кем-то из родителей. Единственным полноправным владельцем среди них был командир Ревельского драгунского полка полковник И. Нагаткин, числивший за собой в Симбирском уезде 110 душ м. п. [РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 135, л. 85 об., 86; д. 136, л. 92 об., 93; д. 309, л. 1 об., 2; д. 393, л. 9 об., 10; оп. 3, д. 83, л. 159 об., 160]. Секунд-майор Томского пехотного полка Н. Марков показывал, что у его отца 700 душ м. п., его сослуживец капитан кн. А. Голицын — 400 душ м. п. за отцом, капитан Селенгинского пехотного полка А. Бахтеев — 1 000 душ м. п. за матерью [Там же, оп. 3, д. 83, л. 136 об., 137, 139 об., 140, 213 об., 214].

Однако перечисленные случаи являлись, конечно, исключением. Типичным для армейского штаб-офицера тех лет в материальном плане выглядело положение подполковника Азовского драгунского полка В. Абарина (50 душ м. п.), премьер-майора Луцкого драгунского полка А. Рычкова (45 душ м. п.), секунд-майора Сибирского драгунского полка Ф. Ланского (60 душ м. п.) [Там же, л. 161 об., 162, 169 об., 170, 175 об., 176]. Среди обер-офицеров из 14 человек, владевших более чем 20 душами крепостных, только половина (семеро) числили эти души за собой, а не за родителями или братьями. И только у двоих из них число душ составляло 50 и более — капитан Ревельского драгунского полка Е. Белов показал себя владельцем 60 крепостных м. п., а капитан Троицкого драгунского полка Н. Кологривов имел 50 душ [Там же, л. 178 об., 179, 180 об., 181]. Наконец, весьма показателен следующий факт: из девяти человек дворянского происхождения в майорских чинах семеро владели 20 и менее душами крепостных м. п. Думается, приведенных данных уже достаточно для того, чтобы сделать вывод: именно незначительность материального благосостояния значительного большинства русских дворян удерживала их на государственной службе (прежде всего, военной), давая надежду хоть как-то поправить свое положение за счет жалования от казны или наград за те или иные достижения. И. В. Фаизова приводит подсчеты, согласно которым доля лиц, владевших менее чем 20 душами крепостных м. п., составляла более половины от численности всех дворян-помещиков в стране (59 %). Заметим, что цифра в 20 душ как раз и считалась границей, отделявшей неимущих землевладельцев от тех, кто хоть сколько-нибудь соответствовали тогдашнему «прожиточному минимуму» [Фаизова, с. 48–51]. Фактически ту же картину нарисовал в отношении гражданской бюрократии С. М. Троицкий, говоря о преобладании «средних

и особенно мелких душевладельцев среди чиновничества России в XVIII в.» [Троицкий, с. 302].

Еще одной интересной особенностью является значительная (как уже отмечалось выше, около трети) доля иностранцев, состоявших на службе в полках Сибирского корпуса. Причем если в чинах капитанов и ротмистров их насчитывалось менее 30 % (19 человек), то среди штаб-офицеров их было более 40 % (16 человек, правда, один из них принадлежал к «малороссийскому», т. е. украинскому дворянству). Среди полковых командиров же они вообще составили подавляющее большинство — 8 из 10 человек⁴. Вопреки расхожему мнению, что подобную картину можно было наблюдать только во времена «немецкого засилья» в 1730-е гг. при правлении императрицы Анны Иоанновны, мы видим, что и во второй половине XVIII столетия прибалтийские немцы и западноевропейцы продолжали занимать видные места на русской военной службе. Даже если исключить из их числа четверых «иноземцев старых выездов» (так обозначались сыновья и внуки иностранных подданных, родившиеся уже на территории России) и упомянутого малороссийского шляхтича (секунд-майор Селенгинского пехотного полка М. Березинский), цифра все равно получается достаточно внушительной.

География происхождения этих людей весьма разнообразна. Одним из определяющих факторов здесь, конечно, выступал индикатор религиозного вероисповедания, поскольку выходцев из тех европейских государств, где давно преобладал протестантизм (Швеции, Великобритании, Нидерландов, Пруссии и ряда германских княжеств), на службе в России XVIII столетия всегда было больше, нежели представителей католических держав (Австрии, Франции, Испании). Не забудем и о многочисленной диаспоре «остзейцев» (курляндцев и лифляндцев), на всем протяжении XVIII в. сохранявших значительное влияние в придворных и военных кругах империи. Последних в рядах сибирских офицеров насчитывалось 14 человек, в том числе и адъютант командующего Сибирского корпуса генерал-поручика И. фон Шпрингера А. Беренц, поступивший в русскую армию в 1758 г. 18-летним юношей. Уже в 1760 г. он побывал в Берлине, занятом на несколько дней русскими войсками, а в 1761 г. находился при осаде и взятии Кольберга [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 198 об., 199]. Кроме того, здесь же мы находим представителей известной в Сибири фамилии Якоби — полковник Селенгинского пехотного полка И. Якоби⁵ и служивший под его началом капитан П. Якоби были родными братьями, сыновьями генерал-майора и коменданта г. Селенгинска В. Якоби, перебравшегося в Россию еще в первой четверти XVIII в. [Там же, л. 207 об., 208, 211 об., 212].

Аналогичный пример мы наблюдаем в Кольванском драгунском полку, где под началом испанца, уроженца Барселоны полковника Ф. де Гарриги служили в капитанских чинах его сыновья Иван и Ерофей. В Вологодском полку числился капитан А. де Вильнев, сын томского коменданта полковника Т. де Вильнева

⁴ Командир Олонецкого драгунского полка полковник П. Арцыбашев к весне 1767 г. уже оставил свою должность, так что управление полком временно было возложено на подполковника И. Штендера.

⁵ И. В. Якоби впоследствии стал генерал-губернатором Иркутского и Кольванского наместничеств.

[РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 157 об., 158, 184 об., 185, 191 об., 192]. Небезынтересно отметить, что представители семьи де Вильнев оставались католиками, тогда как другие французы на русской службе оказывались, как правило, протестантами, бежавшими с родины от религиозных преследований. К ним относились, в частности, командир Луцкого полка полковник А. Скалон (кальвинист) и капитан Ревельского полка Ж. де Бособр (лютеранин) [Там же, л. 156 об., 157, 185 об., 186]. Наконец, несколько человек представляли Пруссию — недавнего противника Российской империи в ходе Семилетней войны, либо происходя из тамошних уроженцев, либо перебираясь на русскую службу после того, как провели некоторое время под знаменами короля Фридриха II. Так, мекленбургский дворянин М. Эстренг, дослужившись в прусской армии до чина штабс-капитана, перешел на русскую службу в октябре 1760 г. (т. е. еще в разгар войны!). В его послужном списке, правда, не уточняется, был ли этот переход добровольным или же явился результатом, например, попадания в плен. Выходец из ангалт-цербстских дворян (а значит, соотечественник императрицы Екатерины II) К. Л. фон Дафир в том же чине был принят на службу в августе 1763 г., уже после окончания войны [Там же, л. 178 об., 179, 187 об., 188]. Более того, в 1742–1744 гг., еще до отъезда будущей императрицы в Россию, молодой фон Дафир был пажом при дворе ее матери в Цербсте. Очевидно, Екатерина была неравнодушна к своим соотечественникам: фон Дафир не только был зачислен в русскую армию поручиком, но и всего через полтора года уже произведен в капитаны (документы о его переходе на русскую службу см.: [РГВИА, ф. 16, оп. 1, св. 250, д. 399, л. 126–143]).

Данные относительно возраста и стажа воинской службы всех интересующих нас офицеров можно отразить в форме следующих таблиц.

Таблица 1

Возрастные показатели командного состава полков Сибирского корпуса на 1767 г.

Возраст	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Всего
До 20 лет	—	1	1
От 21 года до 30 лет	2	16	18
От 31 года до 40 лет	15	30	45
От 41 года до 50 лет	10	16	26
51 год и более	10	7	17

Таблица 2

Сроки службы командного состава полков Сибирского корпуса на 1767 г.

Срок службы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Всего
До 10 лет	1	6	7
От 11 до 20 лет	7	30	37
От 21 года до 30 лет	17	29	46
От 31 года до 40 лет	10	5	15
41 год и более	2	—	2

Как видим, преобладающую долю среди офицеров корпуса составляли люди среднего или даже приближавшегося к зрелому возрасту, находившиеся на службе более 10, но менее 30 лет. Впрочем, при интерпретации полученных данных необходимо иметь в виду уже широко распространенную с середины XVIII в. практику записи дворянских детей на службу в низших чинах (рядовыми и унтер-офицерами) еще до достижения ими совершеннолетия, в ряде случаев и в детском возрасте. Так, упомянутые выше подполковник Абарин и премьер-майор Рычков числились состоявшими на военной службе с 11-летнего возраста, хотя очевидно, что реально исполнять свои обязанности они могли начать только с 15–16 лет, к тому времени уже получив чины: первый — сержанта, а второй — даже поручика. Иногда этим же способом ускоряли свое продвижение по карьерной лестнице и иностранцы. Капитан де Вильнев, благодаря хлопотам отца, получил чин ротного каптенармуса в возрасте 7 лет (!), а вступил на действительную службу впоследствии уже в чине прапорщика. Остзейские уроженцы секунд-майор Вологодского полка П. фон Пипер и капитан Азовского полка Т. Гейскин оказались записаны в рядовые по достижении 12 лет и «проскочили» все унтер-офицерские звания, попав в ряды русской армии уже вахмистрами [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 173 об., 174, 188 об., 189].

У 18 человек в формулярных списках указаны те или иные дисциплинарные нарушения и проступки, допущенные ими за время военной карьеры. Цифра выглядит немалой (почти 17%), однако следует иметь в виду, что далеко не каждый такой случай сопровождался производством следствия и рассмотрением дела в военном суде. Зачастую кого-либо из офицеров командование просто не считало достойным к повышению в чине из-за каких-то бытовых факторов: наиболее распространенным среди них оказывалось, конечно, пьянство. Так, относительно капитана Томского полка А. фон Бергольца читаем: «По усмотренной в нем к пьянству склонности к повышению не аттестуетца» [Там же, л. 138 об., 139]. Капитан Сибирского драгунского полка В. Чубаров «за пьянство был без суда арестован на трои сутки и определен в Сибирской гарнизон без перемены чина, которого и велено от того пьянства всекрайне содержать» [Там же, л. 189 об., 190]. В формулярном списке капитана кн. А. Голицына содержалась следующая примечательная запись: «По указу государственной Военной коллегии велено, чтоб ему, князю Голицыну, никто ничего в долг не верил, а кто даст, заплаты чинено не будет, и из Тобольска без указа Военной коллегии в Москву и в Санкт-Петербург не отлучать, а в Сибирской корпус определен за штраф, и из Калуги до Тобольска отправлен был за караулом, и за поведением его чинить примечание» [Там же, л. 139 об., 140]. Очевидно, князь отличался склонностью к мотовству и карточным играм, но при этом командование считало его «к повышению чина достойным».

В других случаях офицеры хотя и подвергались аресту, однако не попадали под суд. Например, капитан Сибирского полка кн. Н. Еникеев за причиненные жителям одной дворцовой волости по дороге из Москвы в Сибирь «обиды, побои и прочие непорядочные поступки» в ноябре 1764 г. был только арестован на месяц по указу Военной коллегии без дальнейших последствий [Там же, л. 193 об., 194].

Капитан Кольванского полка И. Реберг (уроженец Пруссии), по результатам работы следственной комиссии в Краснослободской слободе в 1763 г. «за взятки от обывателей и за причинение с девкою Ульяною блуда» получил выговор от Военной коллегии («при собрании обер-афицеров учинен ему репреманд»). Через два года решением командующего корпусом он был оштрафован вычетом жалования за месяц «за неосторожность и неисполнение данного ему в смотре казенных дощаников повеления», т. е. за какие-то упущения при перевозке провианта на речных судах [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 181 об., 182]⁶. Но даже это не помешало аттестовать его достойным к повышению.

Как правило, доходили до суда дела, связанные с «экономическими» преступлениями, касавшиеся финансов или материальных ценностей. Однако даже в этих случаях офицеры, как правило, отделялись штрафами и вычетом денег из их жалования на госпитали. Ротмистр Якутского карабинерного полка И. Григорьев оказывался под судом дважды: в 1756 г. за хищения при посеве и снятии урожая ржи на казенной пашне, а в 1763 г., будучи полковым казначеем, за неправильно показанные цифры расходов на «госпитальные припасы». В обоих случаях с него взыскивали штрафные деньги, вычитая их из жалования за несколько месяцев [Там же, л. 339 об., 340]. Командир Якутского полка полковник И. фон Линеман по решению той же Краснослободской комиссии вынужден был возместить обывателям убытки от несостоявшейся поставки сена (точнее, состоялась она лишь на бумаге). Еще один приговор комиссия вынесла капитану Олонецкого драгунского полка И. фон Клингенбергу: вычесть из жалования штрафные деньги «за взятки от обывателей» [Там же, л. 182 об., 183, 334 об., 335]. Буйными поступками отличался ротмистр Якутского полка Я. Пешков. Еще в 1758 г., будучи полковым писарем в крепости Св. Петра (будущая Петропавловская), он грозился при перевозе из форштадта в крепость казенной избы, отведенной ему для жилья, «из команды кого-нибудь из пистолета убить до смерти», за что был наказан батогами. В 1763 г. он избил одного посадского из Кяхты и продал крестьянину казенную драгунскую лошадь, показав ее в рапорте павшей от болезни, а в 1767 г. как раз состоял под следствием «в причиненных купцам и обывателям разных обидах и взятках» [Там же, л. 338 об., 339]. Однако в целом никаких из ряда вон выходящих тяжких преступлений офицеры полков Сибирского корпуса, по-видимому, не совершали.

Реальным боевым опытом, связанным с участием в походах или военных кампаниях, обладали 46 человек (43 %). Для воинских частей, дислоцированных на восточной окраине империи, вдали от основных театров боевых действий середины XVIII в., такой показатель выглядит очень высоким. Впрочем, это вполне объяснимо, поскольку мы уже отмечали, что более половины драгунских полков были ранее передислоцированы в Сибирь из европейской части страны. Кроме того, при формировании новых частей и пополнении уже расквартированных здесь полков сюда переводились офицеры из тех соединений полевой

⁶ Еще в 1750 г. Реберг был под следствием за подписание бумаги о признании купленных в полк (как выяснилось, негодных) лошадей годными, за что поплатился месячным жалованием по прапорщичьему окладу [РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 491, л. 128 об., 129].

армии, которые были задействованы в военных конфликтах 1730–1740-х гг.: войне за «польское наследство» 1733–1735 гг., русско-турецкой (1735–1739) и русско-шведской (1741–1743) войнах, не говоря уже о недавно завершившейся Семилетней войне. При этом многие офицеры не просто были участниками этих кампаний, но и отлично проявляли себя на поле брани.

Подполковник Томского полка В. Волков начал войну поручиком, а в 1762 г. уже был произведен в премьер-майоры. В его формулярном списке специально отмечалось, что он был «во всей прусской кампании в Бранденбургии (Бранденбурге. — А. Д.), в Померании, в Силезии, и во многих партиях при легких войсках, и на акциях в сражениях с неприятелем, при осаде городов Бреславля, Берлина, Кольберха и других местечек, и при взятые тех городов Берлина и Кольберха... за отличные службы пожалован» [РГВИА, ф. 490, оп. 3, д. 83, л. 136 об., 137]. Относительно полковника Скалона даже уточнялось, что он храбро поступал в сражении при Гросс-Егерсдорфе (Восточная Пруссия) 19 августа 1757 г. («в данном от генерал-поручика Любомирского аттестате засвидетельствовано»), а в 1761 г., когда он был взят в плен под г. Глогау, «что он храбро поступал, от генерал-майора фон Лебеля (бывшего вместе с ним в плену. — А. Д.) в аттестат засвидетельствовано» [Там же, л. 156 об., 157]. Вернуться из прусского плена он смог только после завершения войны в 1762 г. Премьер-майор Вологодского полка И. Жидовинов также побывал в плену. Он прошел взятие Мемеля и битву при Гросс-Егерсдорфе 1757 г., битвы при Пальциге и Кунерсдорфе 1759 г. (в последней он прямого участия не принимал, находясь в составе частей прикрытия обоза), захват на несколько дней русскими войсками Берлина, столицы Пруссии, в конце 1760 г., наконец, осаду крепости Кольберг на побережье Балтийского моря, где он и был взят в плен, откуда освободился только после падения города в декабре 1761 г. [Там же, л. 167 об., 168]. Словом, уже из этих примеров явствует, что в отношении реального боевого опыта командный состав Сибирского корпуса на тот момент ни в чем не уступал своим собратьям, несшим службу в полках тех дивизий, которые дислоцировались в Европейской России.

На основании изученных данных можно сделать вывод о том, что в первый период существования Сибирского корпуса (т. е. на протяжении 1760-х гг.) командный состав входивших в его структуру полевых воинских частей, по сути, мало чем отличался от других аналогичных подразделений русской армии в начале царствования Екатерины II. При численном преобладании среди офицеров выходцев из дворян и иностранцев возможность приобрести «благородный» статус, тем не менее, еще не была закрыта для представителей других сословных групп. Более того, даже среди офицеров-дворян подавляющее большинство составляли мелкопоместные или почти неимущие владельцы имений. Данное обстоятельство, на наш взгляд, больше чего бы то ни было позволяет объяснить, почему в армейских рядах практически отсутствовали сословные антагонизмы, уже проявлявшиеся в некоторых сферах жизни Российской империи на протяжении XVIII столетия — ведь такие представители формально «господствующего» в стране сословия по своему положению мало чем отличались от своих сослуживцев из горожан или крестьян.

Также стоит отметить, что большинство среди сибирских офицеров составляли лица, уже достаточно давно находившиеся на службе, обладавшие немалым воинским стажем и значительным боевым опытом. С учетом того, что всего за несколько лет до рассматриваемого нами 1767 г. возникала реальная угроза военного столкновения с цинским Китаем, следует признать вполне разумной политику привлечения на службу в частях Сибирского корпуса ветеранов ряда кампаний середины XVIII в. Вполне благоприятная картина дисциплинарных показателей свидетельствует о том, что служба в Сибири в эти годы отнюдь не рассматривалась в качестве малопочетной ссылки, как это будет впоследствии, ближе к концу века. Реорганизация внутренней структуры сибирских подразделений в 70–80-е гг. XVIII в. заметно ухудшила качественный состав офицерского корпуса на восточной окраине империи по ряду параметров. В первые же годы правления Екатерины II, как нам удалось установить, во всех полевых полках, дислоцированных за Уралом, сохранялась достаточно благополучная ситуация.

Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М. ; Новосибирск, 2003. [Akishin M. O. Rossijskij absoljutizm i upravlenie Sibiri XVIII v.: organizacija i sostav gosudarstvennogo apparata. M. ; Novosibirsk, 2003.]

Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск, 2005. [Anan'ev D. A. Voevodskoe upravlenie Sibiri v XVIII v. Novosibirsk, 2005.]

Андрейчук С. В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. [Andrejchuk S. V. Sibirskij korpus v sisteme voennoj bezopasnosti na juge Zapadnoj Sibiri (1745–1808 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 2010.]

Андрейчук С. В. Становление Сибирского корпуса: структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011а. № 3. С. 38–42. [Andrejchuk S. V. Stanovlenie Sibirskogo korpusa: struktura, chislennyj sostav i principy dislokacii (1745–1771 gg.) // Voенno-istoricheskij zhurnal. 2011. № 3. S. 38–42.]

Андрейчук С. В. Источники комплектования и личный состав регулярных полков Сибирского корпуса (вторая половина XVIII — начало XIX в.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов I Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2011б. С. 60–66. [Andrejchuk S. V. Istochniki komplektovanija i lichnyj sostav reguljarnyh polkov Sibirskogo korpusa (vtoraja polovina XVIII — nachalo XIX v.) // Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzgljad molodyh uchenyh : sb. materialov I Vseros. molodezh. nauch. konf. Novosibirsk, 2011. S. 60–66.]

Быкопя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. [Bykopja G. F. Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoj Sibiri v XVIII — nachale XIX vv. Formirovanie voenno-bjurokraticheskogo dvorjanstva. Krasnojarsk, 1985.]

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. [Volkov S. V. Russkij oficerskij korpus. M., 1993.]

Волкова И. В. Русская армия в русской истории. Армия, власть и общество: военный фактор в политике Российской империи. М., 2005. [Volkova I. V. Russkaja armija v russkoj istorii. Armija, vlast' i obshhestvo: voennyj faktor v politike Rossijskoj imperii. M., 2005.]

Калашников Г. В. Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. [Kalashnikov G. V. Oficerskij korpus russkoj armii v 1725–1745 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 1999.]

Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., 2007. [Liven D. Rossijskaja imperija i ee vragi s XVI v. do nashih dneĭ. M., 2007.]

Марасинова Е. Н. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007а. № 4. С. 21–33. [Marasinova E. N. Vol'nost' rossijskogo dvorjanstva (Manifest Petra III i soslovnoe zakonodatel'stvo Ekateriny II) // Otechestvennaja istorija. 2007. № 4. S. 21–33.]

Марасинова Е. Н. О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в. // Вопр. истории. 2007б. № 12. С. 81–92. [Marasinova E. N. O politicheskom soznanii russkogo obshhestva vo vtoroj polovine XVIII v. // Voпр. istorii. 2007. № 12. S. 81–92.]

Медушевский А. Н. Российская империя в сравнительном освещении. Власть и собственность в абсолютистском государстве // Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 759–851. [Medushevskij A. N. Rossijskaja imperija v sravnitel'nom osveshhenii. Vlast' i sobstvennost' v absoljutistskom gosudarstve // Rossijskaja imperija: ot istokov do nachala XIX v. Oчерki social'no-politicheskoj i jekonomicheskoj istorii. M., 2011. S. 759–851.]

Охлябинин С. Д. Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн. М., 2004. [Ohljabinin S. D. Povsednevnaĭa zhizn' russkoj armii vo vremena suvorovskih vojn. M., 2004.]

РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Св. 250. Д. 399; Ф. 490. Оп. 1. Д. 135, 136, 281, 309, 393, 491; Оп. 3. Д. 83. [RGVIA. F. 16. Op. 1. Sv. 250. D. 399; F. 490. Op. 1. D. 135, 136, 281, 309, 393, 491; Op. 3. D. 83.]

Татарников К. В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА : межфондовый указатель / сост., вступ. ст., оформл. К. В. Татарников. М., 2013. Т. 1. С. 3–42. [Tatarnikov K. V. Predislovie // Posluzhnye i smotrovye spiski russkoj armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA : mezhfondovyy ukazatel' / sost., vstup. st., oforml. K. V. Tatarnikov. M., 2013. T. 1. S. 3–42.]

Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. [Troickij S. M. Russkij absoljutizm i dvorjanstvo v XVIII v. Formirovanie bjurokratii. M., 1974.]

Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. [Faizova I. V. «Manifest o vol'nosti» i sluzhba dvorjanstva v XVIII stoletii. M., 1999.]

Феофанов А. М. Российский генералитет XVIII в.: социальная динамика поколений // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2013. Т. 2. Вып. 4 (14). С. 221–229. [Feofanov A. M. Rossijskij generalitet XVIII v.: social'naja dinamika pokolenij // Vestn. Volzh. un-ta im. V. N. Tatisheva. 2013. T. 2. Vyp. 4 (14). S. 221–229.]

Черников С. В. Российский генералитет 1725–1730 гг.: численность, национальный и социальный состав // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 128–143. [Chernikov S. V. Rossijskij generalitet 1725–1730 gg.: chislennost', nacional'nyĭ i social'nyĭ sostav // Quaestio Rossica. 2013. № 1. S. 128–143.]

Davies B. L. The Development of Russian Military Power, 1453–1815 // European Warfare, 1453–1815 / ed. J. Black. Houndmills; Basingstoke, 1999. P. 145–179.

Fuller W. C. Jr. Strategy and Power in Russia 1600–1914. New York, 1992.

Keep J. L. H. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985.

Wirtschafter E. K. From Serf to Russian Soldier. Princeton, 1990.

Wirtschafter E. K. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // The Journal of Military History. Vol. 59. № 2 (Apr., 1995). P. 215–235.

Статья поступила в редакцию 26.02.2015 г.